

Париж начала XIX века представлял собой город, буквально утопающий в безграничной роскоши и порочном разврате.

В те времена Фу Сяньчжи был самым ослепительным, самым блистательным скрипачом в этом городе, чье имя было на устах у каждого. Стоило его смычку лишь слегка коснуться натянутых струн, как оглушительный гром аплодисментов, взрывающий зал, казалось, был готов снести саму крышу театра. Титул «Восточного чуда», окутанный густым ореолом загадочности и экзотики, заставлял весь город, от низов до высшего света, преклоняться перед его талантом.

Однако всё это рухнуло в одно мгновение, когда наступил сокрушительный экономический кризис.

Былое великолепие, казавшееся незыблемым, в одночасье превратилось в призрачный, ускользающий сон. Из всеобщего любимца и кумира публики Фу Сяньчжи превратился в жалкого изгоя, который был вынужден торговать своей музыкой в мрачных, прокуренных уличных кабаках ради одного единственного куска хлеба. Статус, который когда-то приносил ему немислимую славу и богатство, теперь стал его тяжелыми оковами.

Люди смотрели на него с холодным, почти исследовательским любопытством, требуя, чтобы он исполнял «восточную музыку». Им вовсе не было нужно истинное искусство – им была нужна лишь красивая картинка, экзотический образ, удовлетворяющий их примитивные фантазии о далеких, таинственных странах.

Именно тогда, когда он достиг самого дна и казалось, что падать больше некуда, в его жизнь вошел гордый и бесконечно одинокий пианист по имени Фант. Поначалу Фант был настолько резок и полон открытой враждебности к «Восточному чуду», который, по его глубокому убеждению, «добился своей славы лишь благодаря эффектной внешности и происхождению», а не истинному мастерству.

Однако музыка – это единственное, что не умеет лгать.

Два гения в процессе своего яростного соперничества начали постепенно понимать друг друга, а в моменты всепоглощающего одиночества – поддерживать. Со временем они стали друг для друга незаменимыми, превратившись в единственный смысл существования каждого из них.

Спустя несколько лет в Париже вновь забрезжила слабая надежда. Люди отчаянно, почти болезненно жаждали возрождения искусства, стремясь скрыть за его эстетикой глубокое отчаяние и депрессию прошлых лет. Бывшее Восточное чудо вновь вытолкнули на сцену, сделав его главным и лучшим символом восстановления города.

Но Фант, который творил, полагаясь лишь на алкоголь и сильные успокоительные, чтобы заглушить внутреннюю боль, не дожидаясь этого дня. Он скончался прямо за своим пианино, сжимая в застывшей руке перо для нот – тихо, незаметно и одиноко.

Смерть Фанта потрясла Фу Сяньчжи до самой глубины души, оставив в сердце незаживающую рану. Он вернулся на сцену вовсе не ради того, чтобы снова угодить капризной публике, а для того, чтобы через музыку вновь попытаться поговорить с Фантом.

Прожекторы снова осветили его фигуру, но внутри ничего не изменилось. Его возвращение не было продиктовано чьим-либо искренним стремлением к искусству – он по-прежнему оставался лишь мимолетным, призрачным украшением в этом мире роскоши и разврата.

Сцена сияла ослепительными огнями, а внизу, в полумраке зала, сидели люди с лицами, жаждущими лишь зрелищ.

Он долго молчал, погруженный в свои мысли, прежде чем медленно поднять смычок.

Звуки скрипки начали с нежных, почти шепчущих нот, затем перешли в резкие, надрывные пассажи и, наконец, в одном яростном, отчаянном порыве оборвались.

Когда музыка стихла, зал на мгновение замер, а затем взорвался шквалом аплодисментов.

Фу Сяньчжи, не меняясь в лице, смотрел в пустоту, и по его щекам покатились слезы.

Он высоко поднял скрипку и изо всех сил, с каким только мог собрать гнев и боль, ударил ею о стоявший рядом рояль. Деревянные щепки с треском разлетелись в разные стороны, струны с жалобным звоном лопнули.

Аплодисменты зрителей мгновенно смолкли, и в театре воцарилась мертвая, гнетущая тишина.

Наконец, он решительно развернулся и ушел со сцены, оставив позади всё свое бывшее величие.

А сам он остался под суетой.

В день прослушивания на временной съемочной площадке царил абсолютная, почти осязаемая тишина. Кроме режиссера и двух претендующих на роль актеров, в помещении никого не было.

Дуань Минчуань первым завершил свое выступление. Каждое его движение перед объективом камеры было выверено до мельчайших деталей, точно и филигранно передавая внутреннюю борьбу Фу Сяньчжи после того, как тот внезапно и жестоко лишился своего пьедестала. Это был поистине эталонный мастер-класс актерского мастерства.

Закончив сцену, он со спокойным видом покинул площадку.

Ши Цзянь же, напротив, никак не мог обрести внутреннее спокойствие.

В его голове, словно заезженная пластинка, постоянно всплывали слова Чу Юня: «Не позорь меня». Эта фраза стала барьером, который мешал ему полностью и безостановочно погрузиться в роль.

Как именно нужно играть, чтобы «не опозориться», Ши Цзянь не знал и не понимал.

Наблюдая за безупречной игрой Дуань Минчуаня, он искренне восхищался его техникой, но в то же время чувствовал, что это был немного не тот Фу Сяньчжи, о котором он читал в сценарии и которого представлял себе.

Слишком сдержанно, слишком спокойно, слишком правильно – всё было не так.

Он вовсе не пытался принизить другого актера, просто Фу Сяньчжи, которого знал и чувствовал он, казался совершенно иным человеком.

Чжэн Юаньшэн не торопил его. Он был опытным режиссером и знал: чтобы получить максимум от актера, использующего метод погружения, нужно дать ему достаточно времени и пространства, чтобы он мог окончательно слиться с персонажем.

Втайне он очень надеялся, что Ши Цзянь его не разочарует.

Выступление Дуань Минчуаня было действительно безупречным, и чаша весов в сердце Чжэн Юаньшэна уже начала медленно склоняться в его сторону.

Стоя перед камерой, Ши Цзянь медленно закрыл глаза. Он коснулся пальцами бриллиантового браслета на своем запястье и внезапно почувствовал, как образ Фу Сяньчжи отозвался в нем, пробуждаясь.

В отличие от Пэн Шу, Фу Сяньчжи сам был частью этого холодного бриллиантового блеска.

Когда он снова открыл глаза, Чжэн Юаньшэн увидел перед собой совершенно иную душу.

Ши Цзянь словно искал следы Фу Сяньчжи в самом себе, и в тот момент, когда он поднял руку,

его пальцы сжались так, словно он держал невидимую скрипку.

Впервые выйдя на сцену парижского театра, он думал, что мир будет вечно обнимать его, убаюкивать славой, пока аплодисменты не стихли, пока роскошный театр не превратился в обшарпанный, грязный кабак.

Кончики его пальцев задрожали, движения воображаемого смычка стали медленными, тягучими, дыхание – тяжелым и прерывистым, а плечи начали судорожно вздыматься.

В кармане лежало помятое, зачитанное до дыр письмо из дома, но в нем не было ни единого слова о том, как пережить предательство всего мира.

Пальцы затряслись еще сильнее, он мертвой хваткой вцепился в гриф невидимой скрипки, боясь уронить это последнее, единственное достоинство, которое у него осталось.

Глаза покраснели, движения стали хаотичными, надрывными, и в какой-то момент невидимая скрипка просто выскользнула из его рук.

Все эти цветы, бесконечные аплодисменты, достоинство и слава в одно мгновение рассыпались в прах, оставив после себя лишь пустоту.

Что у него осталось?

Ши Цзянь стоял там, сбивчиво и тяжело дыша. На его лице отразилась невыразимая, глубокая боль, а по щекам беззвучно покатались слезы, которые он тут же, резким движением, смахнул.

Нельзя плакать.

Нельзя, чтобы другие видели эту слабость.

Сцена давно закончилась, но Чжэн Юаньшэн, нахмутив брови, так и не крикнул «стоп».

Воздух в помещении словно застыл. Все присутствующие были настолько глубоко погружены в эту воображаемую «игру на скрипке», что долго не могли прийти в себя.

Дуань Минчуань, наблюдавший за этим, видел сотни технических изъянов в этом выступлении.

Он перевел взгляд на Чжэн Юаньшэна, который, затаив дыхание, не сводил глаз с Ши Цзяня.

«Не позорь меня».

Голос Чу Юня, прозвучавший в памяти, наконец вернул Ши Цзяня в реальность.

Он медленно пришел в себя, постепенно выходя из образа, и почувствовал, как на него наваливается невыразимая, свинцовая усталость.

- Спасибо, режиссер, - он вежливо поклонился и медленно отошел в сторону.

Он прекрасно знал, что у него нет такого идеального, стального контроля над собой, как у Дуань Минчуаня, и, возможно, сейчас в глазах окружающих он выглядел жалко.

Но разве это имело какое-то значение?

Даже если роль ему не достанется - это не станет трагедией. В этот краткий миг, полностью слившись с образом Фу Сяньчжи, он сумел выразить всё то, что сам постиг и понял в этом персонаже.

Для него этого было более чем достаточно.

Сюй Ван осторожно попросил разрешения дать артисту немного передохнуть.

Чжэн Юаньшэн молча проводил взглядом удаляющуюся фигуру Ши Цзяня, погрузившись в свои мысли.

Он тоже увидел эту «игру», полную технических изъёнов, и наконец по-настоящему понял смысл слов Ли Фаня.

- Режиссер Чжэн.

Чжэн Юаньшэн поднял голову и посмотрел на Дуань Минчуаня; в его взгляде всё еще читалось явное сомнение.

Он действительно не мог сделать окончательный выбор.

Дуань Минчуань спокойно произнес:

- У пианино и скрипки свои достоинства. В игре Ши Цзяня действительно полно изъёнов, к которым можно придраться, но...

Он на мгновение замолчал, тщательно подбирая слова, чтобы выразиться максимально точно.

Чжэн Юаньшэн, однако, уже всё понял:

- Жизнь Фу Сяньчжи сама по себе должна была оставить столько «изъянов».

- Похоже, режиссер Чжэн принял решение, - Дуань Минчуань говорил искренне и открыто. - Я полностью уважаю ваш выбор и признаю его.

- Спасибо тебе, Минчуань, - Чжэн Юаньшэн похлопал его по плечу и искренне вздохнул. - У нас глубокая связь, мы обязательно еще поработаем вместе.

Дуань Минчуань кивнул и спокойно ушел.

В его понимании актерства не существовало понятий «победа» или «поражение». Тот факт, что нашелся человек, подходящий на роль больше него, вовсе не означал, что он «не постарался», и это не вызывало у него никаких внутренних переживаний.

В комнате остался один Чжэн Юаньшэн. Он сидел в тишине долгое время, прежде чем медленно выдохнуть и окончательно расслабиться.

Слегка постукивая пальцами по обложке сценария, он продолжал размышлять.

Он окончательно осознал: талант актера, владеющего методом погружения, - это истинное сокровище, о котором любой кинорежиссер может только мечтать.

- Режиссер Чжэн...

Чжэн Юаньшэн повернул голову и увидел финансового директора, который хотел что-то сказать, но заметно медлил. Режиссер подумал, что возникли какие-то проблемы с финансированием.

Директор хорошо знал непростой характер Чжэн Юаньшэна, поэтому должен был прийти гораздо раньше, но осмелился заговорить только после того, как прослушивание было полностью окончено.

- Корпорация Чэньхуа связалась с нами, говорят, они создали специальный инвестиционный фонд...

На лбу директора выступил холодный пот:

- Уже заморожено двести миллионов... Подтверждение от банка UBS уже прислали, и еще добавили... что в течение сорока восьми часов все юридические документы будут доставлены в полном объеме...

Такая огромная сумма, и так внезапно - как это вообще возможно!

Чжэн Юаньшэн был совершенно ошеломлен. Хотя деньги еще не поступили на счет, официальные документы не могли быть поддельными, и это было куда убедительнее любых слов.

Чжэн Юаньшэн нахмурился:

- Я еще даже не решил, будем ли мы сотрудничать, как это возможно?

Он ведь даже не определился, хочет ли выбрать Ши Цзяня.

В этот момент быстро подошел ассистент, держа в руках телефон, и осторожно произнес:

- Режиссер Чжэн, господин Чу из Чэньхуа только что звонил, хочет подтвердить ситуацию с фондом.

Чжэн Юаньшэн машинально взял телефон. О господине Чу из Чэньхуа он, конечно, слышал - речь шла о Чу Мяне, но личных дел с ним никогда не имел, разве что был шапочно знаком с той самой госпожой Чу из его семьи.

Однако оказалось, что звонил не он.

На том конце провода раздался очень молодой голос, звучащий изысканно, вежливо и уверенно:

- Здравствуйте, режиссер Чжэн, я Чу Юнь.

Чжэн Юаньшэн опешил:

- Кто?

Возможно, впервые в жизни столкнувшись с тем, что человек, назвавший свое имя, не знает, кто он такой, собеседник на мгновение замолчал.

Ли Чжися видел, как лицо его молодого господина в одно мгновение почернело от злости; Чу Юнь прикрыл микрофон и яростно выдохнул, но когда заговорил снова, в его голосе вновь зазвучала безупречная, вежливая и сдержанная элегантность.

- Я просто мелкая сошка, - Чу Юнь стиснул зубы, но в голосе слышалась улыбка. - Режиссер Чжэн, не берите в голову. Я просто хотел выразить свою искренность. Ваша концепция стремления к совершенству полностью совпадает с моей, поэтому, если в будущем возникнут любые финансовые проблемы, пожалуйста, не беспокойтесь.

Он с комфортом откинулся на спинку стула и небрежно махнул рукой:

- Эти деньги - сущие пустяки. Кино надо снимать, а если снимать, то только самое лучшее.

Этот довод действительно был близок мыслям Чжэн Юаньшэна, но звучало всё это как-то странно.

- Будьте уверены, мы полностью уважаем ваш профессионализм, - искренне пообещал он. - Во время съемок мы ни во что не будем вмешиваться, у вас будет абсолютный контроль.

И снова подчеркнул:

- Снимать - так самое лучшее, ни в чем себе не отказывайте. Насчет денег будьте спокойны: пока вы работаете с Ши Цзянем, финансовый поток никогда не иссякнет.

Чжэн Юаньшэн наконец рассмеялся над абсурдностью этого молодого человека:

- Господин Чу-младший, кажется, я еще не выразил намерения сотрудничать с Ши Цзянем, а вы без моего согласия перевели двести миллионов. Это доставляет определенные неудобства.

Впрочем, разве в этом мире кто-то всерьез отказывается от денег, которые предлагают добровольно?

Чу Юнь убрал телефон от уха, словно глядя сквозь экран на лицо старика.

Услышав, что «сотрудничества еще нет», он слегка нахмурился, но, сдерживаясь, сухо произнес пару «объективных» слов:

- Разве можно найти в этом мире кого-то, кто лучше Ши Цзяня подошел бы на роль главного героя? Режиссер Чжэн, не будьте таким ребенком.

Ли Чжися был готов задохнуться, пытаясь остановить молодого господина – тот «разумный» и сдержанный образ, который он так старательно пытался создать, вот-вот должен был окончательно рассыпаться.

К удивлению, Чжэн Юаньшэна это снова рассмешило.

- А у него язык без костей.

Привыкший к скользким и хитрым людям, он не испытывал неприязни к таким прямолинейным и не обремененным лишними раздумьями личностям – это было даже забавно.

Тем более что молодой человек говорил вполне разумные вещи, с которыми режиссер был полностью согласен.

- Ши Цзянь действительно неплох, – сказал он.

Чу Юнь тут же возгордился, и теперь голос старика звучал для него куда приятнее.

- Разумеется, – без тени скромности ответил Чу Юнь и поправил его.

В мире молодого господина не существовало относительных оценок, только абсолютные.

Не «неплох»:

- Он очень хорош.

<http://bllate.org/book/17941/1720630>